

УДК 271

Хлыстовские секты лютеранского генозиса: движение скакунов в Западной Ингерманландии

Володин Валерий Юрьевич

Переводчик,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48;
e-mail: alpril@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович

Доктор философских наук, профессор,
завкафедрой истории религий и теологии,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48;
e-mail: alpril@mail.ru

Аннотация

В статье подробно анализируются религиозные практики сектантского движения скакунов, сформировавшегося в контексте лютеранской народной культуры Северо-Запада России. Авторы доказывают, что данное явление следует трактовать как разновидность сектантства хлыстовского паттерна. Его уникальность обусловлена тем, что общины скакунов формировались вне православной ритуалосферы. Будучи продуктом лютеранской народной культуры, скакуны разделяли отдельные протестантские установки, такие как *Sola Scriptura*, доводя их до крайностей. Выраженный экстатический характер культа, использование технологий изменения сознания, претензии на особое откровение Духа и отвержение авторитета официальной церкви, при видимом сохранении принадлежности к ней – все эти характеристики позволяют рассматривать движение скакунов как сектантство хлыстовского паттерна. Таким образом, последнее обретает внеконфессиональный характер и не должно рассматриваться как принципиально парарасправославная субкультура. В статье анализируются материалы следственных дел второй половины XIX века, позволяющие реконструировать основные ритуальные практики скакунов, их интерпретацию основных положений лютеранской теологии, общее отношение к традициям лютеранской церкви. Кроме того, статья вводит в научный оборот шведские исследования и источники XIX века, отличающиеся высокой степенью надежности, но не знакомые отечественным исследователям. Сравнительный анализ источников позволяет поставить под сомнение массовые обвинения скакунов в ритуализированном разврате, хотя экстатический характер их богослужений в отдельных случаях мог провоцировать невоздержанность. Авторы обосновывают положение о том, что современные харизматические тенденции в российском лютеранстве обусловлены влиянием субкультур подобного типа.

Для цитирования в научных исследованиях

Володин В.Ю., Прилуцкий А.М. Хлыстовские секты лютеранского генезиса: движение скакунов в Западной Ингерманландии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 199-208.

Ключевые слова

Скакуны, лютеранская народная культура, хлыстовство, псевдоправославные субкультуры, лютеранство в России.

Введение

На пути изучения истории отечественного мистического сектантства исследователь неизбежно сталкивается с проблемой источников – достоверных материалов, позволяющих корректно реконструировать вероучение, этику и обрядовые практики адептов неортодоксальных религиозных обществ харизматического паттерна явно недостаточно; само «мистическое сектантство» предстает перед исследователями как неупорядоченный и не поддающийся структурированию конгломерат, противящийся обобщениям. Дополнительные сложности привносит и традиционно используемая исследователями терминология: во-первых, сам термин «мистическое сектантство» как часть бинарной схемы «мистическое сектантство» / «рациональное сектантство», вошедший в употребление уже в XIX веке в силу выраженной интердискурсивности способствует неоправданным упрощениям и ненужным коннотациям. Однако поскольку более корректная терминология отсутствует, его употребление носит вынужденный характер.

Основная часть

В современном религиоведческом и теологическом дискурсах термин «хлыстовство» используется в двух основных значениях – для обозначения сектантских общин, сформировавших более-менее устойчивую эзотерическую конфессиональную субкультуру, включающую харизматические практики и методы изменения сознания, и – в широком значении – для обозначения особого экстатического типа религиозности, делающей акцент на персональный опыт мистических переживаний «пребывания в духе». Именно такое понимание хлыстовства стоит за наблюдением Павла Флоренского «в тех же общинах или компаниях, где переживание Духа объявлялось нормою, неизбежно возникало хлыстовство, разумея это наименование в широком смысле всякого лже-духовного энтузиазма и лже-мистического, душевного (не духовного) волнения совокупности радеющих людей» [Флоренский, 1990].

Интерес к изучению специфики отечественного мистического сектантства, в том числе сект хлыстовского паттерна, привел к появлению серьезных исследований, среди которых следует прежде всего упомянуть монографию А.А. Панченко «Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект» [Панченко, 2002], А. Эткинды «Хлыст. Секты, литература, революция» [Эткинды, 2013], диссертации Корикова Д.Г. «Государство, церковь и сектантство в России во второй половине XIX – начале XX вв.» [Кориков, 2011], Оленич Т.С. «Трансформация русского религиозного сектантства» [Оленич, 2005], Бермана А.Г. «Мистическое сектантство в Среднем Поволжье в XIX – первой половине XX вв.» [Берман, 2006] и др. Анализируя генезис хлыстовства, А.А. Панченко обосновал тезис об автохтонном

характере данного религиозного движения, укорененного в историко-культурный контекст русской православной традиции: «христовщина зародилась на русской почве и исходит из традиционных религиозных практик русских крестьян и горожан XVII в.» [Панченко, 2002]. Не ставя под сомнение это положение, мы должны констатировать, что независимо от генезиса, сектантство хлыстовского паттерна оказывается своего рода надконфессиональным феноменом, могущем формировать собственную коммуникативную среду на основаниях различных конфессиональных культур.

Примером такого «неправославного хлыстовства» является сектантское движение скакунов, сформировавшееся в контексте народной лютеранской культуры финского населения Ингерманландии в середине XIX века.

Среди источников, позволяющих реконструировать вероучение и обрядовые практики скакунов, наиболее информативным является трактат профессора Императорского Александровского университета в Финляндии Маттиаса Акиандера (1802-1871) «Исторические сведения о религиозные движения в Финляндии в старые и новые времена», изданный на шведском языке в Хельсинки (Helsingfors) в 1860 [Akiander, 1860]. Поскольку издание Акиандера сегодня представляет библиографическую редкость, и при том, что на русский язык его трактат не переведен и фактически малодоступен отечественным исследователям, мы сочли целесообразным привести в данной статье сравнительно большие выдержки из «Исторических сведений...», способствуя тем самым частичному ведению его в научный оборот.

Также представляют интерес материалы следственных дел, связанных с полицейским преследованием сектантов в 90-е гг. XIX в., содержащиеся в фондах РГИА, отдельные заметки, опубликованные в шведских газетах Финляндии. Кроме того, авторам удалось собрать свидетельства коренных жителей Ленинградской области, которые в 50-60 гг. XX века посещали собрания скакунов или так или иначе сталкивались с различными проявлениями их присутствия в религиозной семиосфере Северо-Западного региона России.

Сообщения о секте «скакунов» встречаются также в различных изданиях середины – второй половины XIX столетия, таких, как работа полковника Жуковского «Военно-статистическое обозрение Санкт-Петербургской губернии» СПб, 1851 (С. 251 и далее)¹, а также в губернской периодике.²

Значительно меньше о них пишут в наше время. Некоторым исключением являются несколько страниц, посвященных данному движению в статье А.Ю. Чистякова «Лютеранская церковь и формирование этнической культуры ингерманландских финнов в XIX-XX вв.» [Чистяков, 2004].

На основании имеющихся источников точно датировать появление прыгунов на Северо-Западе, прежде всего на территории Ингерманландии, невозможно. Первая фиксация существования данного движения датируется 1830 г. – в это время во главе движения находились житель поселка Молосковицы Иоганн Рикконен и Иосиф Муратта из Губаниц. Оба духовных лидера пользовались известностью за пределами Ингерманландии, однако проповедуемые ими взгляды породили «значительное неурстройство и смятение», что отчасти было вызвано нескрываемыми симпатиями к практике самооскопления – попытками ввести

---

¹ Военно-статистическое обозрение Российской Империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба // Т. 3, ч. 1: Санктпетбургская губерния. СПб, 1851.

² См., например, Гдовско-Ямбургский листок. 1873 от 19 января, № 3, С. 23.

среди скакунов учение и практику скопцов [Akiander, 1860]. Среди прочих лидеров скакунов первой половины XIX века М. Акиандер упоминает троих жителей волости Кивинеб (Кивинаппа) – Эрика Мелто, Маттса Ронту и Йохана Ронту, Миккеля Алппала из поселка Ропша, Маттса Абрахамссона из Губаниц и др. Социальный состав упомянутых проповедников отличался демократичностью – в своем большинстве это мелкие ремесленники, подмастерья, большинство – крестьяне. Вероятнее всего таким же был социальный состав последователей движения. Отмеченное М. Акиандером тяготение наставников скакунов к скопчеству, судя по всему, не было распространено повсеместно. Из материалов судебного следствия, проводимого судебным следователем Санкт-Петербургского окружного суда в 1893 году, следовало, что медицинское освидетельствование подозреваемых не выявило среди них скопцов, более того, наставники скакунов отрицательно отзывались о самооскоплении, рассматривая его как недопустимый «отказ от органа, созданного Богом»³.

Широко распространены были скакуны и среди лютеран Эстонии. Анализируя увлечение эстонцев мистическими сектами и проповедниками, Экспедиция 3 отделения Е.И.В. Канцелярии, в донесении министру внутренних дел предположила, что эстонские лютеране «будучи вообще тупы и недовольны своим положением, ожидают каких-либо необыкновенных событий»⁴. Этим наблюдением тогда пытались объяснить сравнительно высокую численность сектанства в крае. Скакунов в Эстонии в то время действительно было много, секта считалась «по численности и значению» второй после гернгутеров.⁵ В справке, подготовленной Генеральной консисторией Евангелическо-лютеранской церкви по запросу Министерства Внутренних Дел, появление скакунов на северо-западе датируется началом XIX века и связывается с прибытием из Финляндии лиц, которые «стали распространять учения, что спасение души зависит исключительно от прилежного чтения Библии, частого принятия Св. Даров, частых молитв и воздержания от водки, пива и табака». По данным Консистории, развитие сектантского учения происходило постепенно экстаические практики и своеобразное понимание «духовной любви» развилось позднее, а на первоначальном этапе учение секты ограничивалось нормами пиетистской этики⁶.

Расцвет движения приходится на 70 – гг. XIX века, после чего наблюдается определенный спад, обусловленный противодействием духовенства евангелическо-лютеранской церкви и полицейским репрессиям – в частности, в конце 90-гг. XIX века были арестованы проповедники из числа скакунов в пос. Колтуши, в результате чего духовные собрания там более не проводились, количество последователей движения в целом сократилось и на рубеже веков насчитывало около двух тысяч [Luther, 2000].

Следует отметить, что инициаторами преследования скакунов обыкновенно выступали пасторы официальной евангелическо-лютеранской церкви, роль полиции и местных властей обыкновенно была вторичной. Анонимный лютеранский пастор жаловался на страницах шведской газеты на значительное распространение скакунов в западной Ингерманландии и на безучастность местных властей, которые не проявляют должного рвения к преследованию скакунов, сосредоточившись на борьбе с более опасной сектой скопцов (*kastraternas fraktion*)⁷.

³РГИА, фонд 821, опись 5, дело 1033

⁴РГИА, фонд 821, опись 5, дело 966

⁵Лютеранские секты в Эстляндской губернии. Ревель: Типография Эстляндского губернского правления, С.9.

⁶РГИА, фонд 821, опись 5, дело 989

⁷ Åbo Underättelser 24.05.1889 s. 1.

Сопоставление скакунов со скопцами, равно как симпатии к скопчеству со стороны лидеров скакунов, можно рассматривать как косвенный аргумент в пользу того, что движение скакунов в действительности является сектой хлыстовского паттерна, возникшей в контексте лютеранской народной традиции, и формировавшей собственную семиосферу и ритуалосферу по аналогии с российским хлыстовством. В связи с этим можно поставить под сомнение предположение М. Акиандера о том, что в основе практик прыгунов лежит «искаженное учение гернгутеров» [Akiander, 1860]. Не отвергая возможность влияния идей гернгутеров на хлыстовство (известно, что сочинения Г. Юнга-Штилинга были популярны среди образованных последователей хлыстовства), мы склонны рассматривать данное движение, причем как его квази-православный, так и квази-лютеранский изводы в целом как оригинальный феномен, сформировавшийся в рамках местной религиозной культуры, хотя и под влиянием экстаических зарубежных протестантских обществ.

Вообще, можно встретить суждения о том, что целый ряд раскольнических движений среди лютеран Эстонии и Ингерманландии, в том числе движение скакунов, возникло под влиянием типически схожих течений в русском раскольниках. Так, А.А. Панченко пишет: «Возможно, появление ингерманландских *hurruseuralaiset* было непосредственно связано с деятельностью кружка Татариновой: первые сообщения об этом движении локализуют его не в сельской местности, а в самой столице – среди мастеровых, обитавших в Коломне» [Панченко, 2002]. Даже в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона предполагается как минимум два источника этого движения: «О происхождении этой секты существуют два различные мнения: одни утверждают, что секта С. занесена к нам из Финляндии нарочно приезжавшими с этой целью учителями; по мнению других, эта секта является отголоском и результатом известного учения Татариновой и ее сподвижника, тайного советника Попова»⁸. Впрочем, упомянутый выше полковник Жуковский в своем труде о военно-статистическом обозрении Санкт-Петербургской губернии настаивает на «финском» происхождении секты⁹.

Любопытно, что подобно российскому хлыстовству, адептов прыгунов обвиняли в том, что они устраивали «ужасные оргии», В донесении Евангелическо-лютеранской генеральной консистории на имя министра внутренних дел А.Е.Тимашева от 18 октября 1869г. прямо утверждается, что наставники скакунов «привели приверженцев своих к самым грязным плотским связям», на основании чего обряды скакунов были признаны вредными – «... так и у скакунов развратное совокупление – кроме безнравственности этих действий не может не иметь вредных для участвующих лиц последствий»¹⁰. В 1893 году лютеранская Генеральная консистория повторила обвинения скакунов в «плотских бесчинствах»¹¹. Подозрения скакунов в разврате прочно укоренилось в обществе и продолжали воспроизводиться в дискурсах лютеранских субкультур 60-гг. прошлого века. Респондент Л. (62 года, образование среднее, выросла в лютеранской семье ингерманландских финнов, в настоящее время живет в Финляндии) рассказывает, что в подростковом возрасте родители, воцерковленные лютеране, запрещали ей посещать собрания скакунов, мотивируя запрет слухами об оргиях.

---

⁸ Энциклопедия Брокгауза и Эфрона, Т. XXX, С. 166-167.

⁹ Военно-статистическое обозрение Российской Империи.

¹⁰ РГИА, фонд 821, опись 5, дело 989

¹¹ РГИА, фонд 821, опись 5, дело 1033

Однако достаточно одиозные утверждения о том, что адепты секты «через веру» приобретали из числа женщин-адептов «духовных сестер» (что являлось своего рода эвфемизмом для обозначения полигамных сексуальных отношений), практиковали особые обряды, во время которых «мужчины и женщины, подавив всякое чувство стыдливости, *in puris naturalibus*, перепрыгивают через друг друга» [Akiander, 1860], или «выскакивали на улицу без одежды, стояли на крышах в ожидании того, что спустится облако, на котором они поднимутся живыми на небо»¹² не представляются достоверными. Более правдоподобными представляются сведения, содержащиеся в делопроизводстве судебного следователя 1 участка Санкт-Петербургского окружного суда. По данным этого делопроизводства «свальный грех» в общинах скакунов обнаружен не был – «после скачек ближайšie сектанты расходятся, а те, которые пришли из отдаленных мест, ложатся спать, но мужчины отдельно от женщин и тут свального греха не бывает». Как на своего рода доказательство судебный следователь ссылается на пример тридцатилетней крестьянки Анны, которая по освидетельствовании оказалась девственницей, хотя и принадлежала к секте скакунов 8 лет¹³.

В свете сказанного, воспроизводимое в источниках учение скакунов, согласно которому верующую (т.е. принадлежащую секте) «сестру» никто не может склонить к блудному сожителю, но неверующие женщины в свою очередь могут легко соблазнить «героев веры» (так скакуны именовали сами себя) представляется нелогичным и, вероятно, вымышленным, его интерпретация, предложенная М. Акиандером – «вера в то, что неверие женщины магически воздействует на веру мужчины» [Akiander, 1860], в любом случае не выдерживает критики. Вообще следует достаточно критически относиться в обвинениях мистического сектантства в «сексуальном навете», особенно если последнее не подтверждается надежными источниками.

В соответствии с общими тенденциями экстатического сектантства хлыстовского паттерна, формально утверждая высший авторитет Библии, наставники скакунов развивали учение о внешнем и внутреннем откровении, противопоставляющее Писание духовному опыту и знанию харизматических лидеров, претендовавших на внутреннее откровение. Использовались также и классические приемы обвинения духовенства традиционных конфессий в намеренном искажении библейского учения. Таким образом, формально не отвергнув лютеранского теологического принципа *Sola Scriptura*, лидеры скакунов интерпретировали его в контексте собственной эксклюзивной герменевтики. Столь же двойственным было и отношение к трудам Мартина Лютера. В целом отвергая их вероучительный авторитет, наставники скакунов полагали, что часть трудов Лютера написаны последним в состоянии духовного пробуждения (*oli hengessä*), но другие трактаты Лютера написаны тогда, когда последний возвращался к плотской жизни, следовательно, они не богоугодны. Вероятно, последнее представляет собой особый герменевтический механизм апологетики, призванный дискредитировать авторитет Лютера, к которому апеллировало лютеранское духовенство в полемике с наставниками скакунов.

С учением о внутреннем откровении, доступном «пробужденным», т.е. последователям движения, связано отвержение таинств и официальных церковных институтов духовенства, критическое отношение к которому особо скакунами не скрывалось.

О священниках говорят, что они – книжники и неразумные, от которых сокрыта небесная премудрость. Они не признают, что священники в силу своего служения являются слугами

---

¹² Лютеранские секты в Эстляндской губернии.

¹³ РГИА, фонд 821, опись 5, дело 1033

Христа; нет, они – лишь наемники властей, проповедующие ради хлеба насущного, не будучи побуждаемы к сему Духом. “Leivän edestä koiraki haukkuu”,¹⁴ – вот обычное выражение, характеризующее деятельность священников. Как священники, так и прочие люди, не пришедшие к пробуждению – это живые мертвецы, и к ним относятся слова Спасителя: «Иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов (то есть, творить мертвые дела» (Мф. 8:22). Следовательно, священники не могут своими кровавыми руками совершать таинства, поэтому, если священник приходит к пробуждению, он вынужден отказаться от своего служения.

О пренебрежительном отношении скакунов к официальному лютеранскому духовенству свидетельствуют и другие источники.¹⁵

Не менее показательным является критическое отношение к книжной богословской традиции, тоже сближающее скакунов и российских хлыстов. Мельников-Печерский приводит хлыстовскую легенду о том, как наставник первых хлыстов – легендарный Данила Филиппович «учил, что надо молиться духом, и что при таком только молении в человека может вселиться Дух Божий. Хлысты рассказывают, что их учитель, в доказательство ненужности и старых, и новых книг, собрал те и другие в один куль, положил в него для груза камней и бросил в Волгу... По наставлению святого духа, говорят они, Данила Филиппович утопил и книжное писание, не велел людям иметь книжное учение, и заповедал во всем руководствоваться единственно его словами и теми вдохновенными речами, что скажут на радениях пророки, пребывая в «духе» [Мельников, 1909]. Данное свидетельство Мельникова-Печерского почти дословно совпадает с описанием практик и учения скакунов: «Поскольку подчеркивается, что молитва, песни и проповеди не дают питания вере нигде, кроме как на собраниях, в которых проповедник вдохновлен Духом, посещение этих собраний делается непременною обязанностью каждого приверженца секты. ...Простым людям и женщинам не надобно читать никаких книг, ибо сие не идет им на пользу, поскольку они не понимают письменного слова и, следовательно, не знают, что в книге истинно, и не могут отличить истинного от ложного. Им следует довольствоваться наставлением и знанием, которое они черпают на собраниях» [Akiander, 1860].

Описание обрядовых практик скакунов, содержащиеся в архивных материалах, лишены внутренних противоречий и могут быть признаны вполне достоверными. Собрания скакунов носили достаточно свободный характер, четкого чинопоследования не было, спонтанные молитвы перемежались пением духовных песнопений по лютеранским церковным молитвенникам. Никаких особых облачений для проповедников или предписанной одежды для молящихся не предполагалось. Постепенно молящиеся «впадали в экзальтированное состояние, галлюционировали, видели Иисуса Христа, старались Его удержать, многие «ликовали» в порыве радости, что Господь прощает им грехи, раздавались рукоплескания и начиналось топанье ногами и хлопанье в ладоши». Источники описывают экстатическую молитву скакунов как «ревение и скакание», «скакание и голосование»¹⁶, «припадки эпилепсии»¹⁷, «взвизгивания»¹⁸, что позволяет предположить, что ритмичные, экстатические телодвижения

---

¹⁴ «Собаки, лающие ради хлеба».

¹⁵ Лютеранские секты в Эстляндской губернии.

¹⁶РГИА, фонд 821, опись 5, дело 989

¹⁷Лютеранские секты в Эстляндской губернии. С.12.

¹⁸РГИА, фонд 821, опись 5, дело 1033

сопровождались харизматической глоссологией. Вхождение молящихся в экстатическое состояние интерпретировалось самими скакунами как «нахождение (на человека) Св. Духа»¹⁹ или «вдохновение Святым Духом»²⁰, а пророческая способность, вдохновение, проповеднический дар понимались как видимое освящение Св. Духом.²¹

Современные тенденции к харизматическим практикам, столь непопулярные среди «классического лютеранства», но четко фиксируемые в проповедническом дискурсе Церкви Ингрии²² оказываются в значительной степени созвучными учению скакунов. Полагаем, что эти совпадения не носят случайный характер. Если официальные церковные институты Северо-Запада, находящиеся под управлением Генеральной консистории, не пережили периода гонений 30-х гг. XX века, то собрания скакунов, хорошо законспирированные, продолжались (вероятно, с перерывами) до 70-х гг. Поэтому влияние харизматической ритуалосферы скакунов, на практике современной Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии на территории России представляется вполне возможным и вероятным. В свете сказанного свойственное, хотя и по понятным причинам широко не декларируемое ингрийским лютеранством пренебрежение книжной традицией, сотрудничество с харизматическими целителями, вера в «спасение через отказ от водки, пива и табаку» etc, представляется своего рода реликтом скакунской традиции, унаследованной современной Церковью Ингрии из сельской народной культуры лютеранской Ингерманландии, сохранившей элементы субкультуры скакунов. Вероятно и различные движения финского лютеранского пробуждения, не порывающие радикально с официальной церковью, но более чем критически относящиеся к ее установлениям, намного ближе в своем генезисе к скакунам, чем это может показаться на первый взгляд.

Заключение

Если наше предположение окажется верным, и дальнейшие исследования подтвердят амбивалентный характер пиетистских движений в финском лютеранстве и мистико-экстатического сектантства хлыстовского паттерна, то вопросы специфики народной лютеранской культуры Северо-Запада и отчасти стилистики современного лютеранства получат новую трактовку.

Библиография

1. Архивные материалы. Российский государственный исторический архив.
2. Берман А.Г. Мистическое сектантство в Среднем Поволжье в XIX – первой половине XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. Чебоксары, 2006. 259 с.
3. Военно-статистическое обозрение Российской Империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального. СПб, 1851. Т. 3. Ч. 1. 109 с.
4. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД.
5. Коригод Д.Г. Государство, церковь и сектантство в России во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. Челябинск, 2011. 226 с.

---

¹⁹РГИА, фонд 821, опись 5, дело 989

²⁰Лютеранские секты в Эстляндской губернии. С.12.

²¹Там же

²²Полное название «Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии на территории России» - действующая в России, хотя и ориентированная на различные финские общества «церковного пробуждения» лютеранская церковь, насчитывающая, по нашим оценкам, в настоящее время порядка 10-12 тысяч приверженцев.

6. Лютеранские секты в Эстляндской губернии. Ревель: Типография Эстляндского губернского правления, 1893. 64 с.
7. Мельников П.И. Тайные секты // Полное собрание сочинений. СПб, 1909. Т. VI. 380 с.
8. Оленич Т.С. Трансформация русского религиозного сектантства: дис. ... докт. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 332 с.
9. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. 541 с.
10. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М., 1990. Т.1(1). 496 с.
11. Чистяков А.Ю. Лютеранская церковь и формирование этнической культуры ингерманландских финнов в XIX-XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Сер. 2. Вып. 3-4. С. 109-119.
12. Эткинд А. Хлыст. Секты, литература, революция. М., 2013. 644 с.
13. Akiander M. Historiska upplysningar om religiösa rörelserna i Finland i äldre och nyare tider. Del IV. Helsingfors, 1860. 490 p.
14. Luther G. Herdaminne för Ingermanland. II, Svenska Litteratursällskapet i Finland. Helsingfors, 2000. 620 p.

Khlysts Sects of the Lutheran Genesis: Jumpers Movement in Western Ingermanland

Valerii Yu. Volodin

Translator,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48, Moika emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: alpril@mail.ru

Aleksandr M. Prilutskii

Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of the History of Religions and Theology,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48, Moika emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: alpril@mail.ru

Abstract

The article gives a detailed analysis of the religious practices within the Jumpers sectarian movement which was formed in the context of Lutheran folk culture in the North-Western part of the Russian Empire in the 19th century. The authors prove that this phenomenon should be interpreted as a kind of sectarianism of the Khlysts pattern. As a product of the Lutheran folk culture the Jumpers shared some Protestant views, such as Sola Scriptura, driving them to the extreme. The expressed ecstatic character of the cult, the use of mind-changing techniques, the claims of having a special revelation of the Spirit and the denial of the official church authority combined with the membership in the visible church make it possible to view the Jumpers movement as sectarianism of the Khlysts pattern. The article analyses the materials of the criminal cases in the second half of the 19th century, which enable to reconstruct the Jumpers' main ritual practices, their interpretation of the main points of the Lutheran theology and their general attitudes to the Lutheran church traditions. The article also brings some Swedish-language studies and sources of the 19th century into the scientific fold. The comparative analyses of the sources calls into question the wide-spread

accusations of ritualized debauchery made against the Jumpers, although the ecstatic character of their religious gatherings could in some cases provoke excesses. The authors state that the modern charismatic trends in the Russian Lutheranism are due to the impact of such subcultures.

For citation

Volodin V.Yu., Prilutskii A.M. (2018) Khlystovskie sekty lyuteranskogo genezisa: dvizhenie skakunov v Zapadnoi Ingermanlandii [Khlysts Sects of the Lutheran Genesis: Jumpers Movement in Western Ingermanland]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 199-208.

Keywords

Jumpers, Skakuny, Hyppyseuralaiset, Lutheran folk culture, Khlysts movement, quasi-Orthodox subculture.

References

1. Akiander M. (1860) Historiska upplysningar om religiösa rörelserna i Finland i äldre och nyare tider. Del IV. Helsingfors.
2. Archival Materials. Russian State Historical Archive. F.821.
3. Berman A.G. (2006) Misticheskoe sektantstvo v Srednem Povolzh'e v XIX - pervoi polovine XX vv. Doct. Dis. [Mystical sectarianism in the Middle Volga region in XIX – first half of XX century. Thesis for the degree of ‘kandidat nauk. Doct. Dis.] Cheboksary.
4. Chistyakov A.Yu (2004) Lyuteranskaya tserkov' i formirovanie etnicheskoi kul'tury ingermanlandskikh finnov v XIX-XX vv. [Lutheran Church and the formation of ethnic culture of the Ingrian Finns in the XIX-XX centuries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [SPBSU Herald]*, 3-4, pp. 109-119.
5. Etkind A (2013) Khlyst. Sekty, literatura, revolyutsiya [Khlyst. Sects, literature and revolution]. Moscow.
6. Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions of the MIA.
7. Florenskii P. (1990) Stolp i utverzhdenie istiny [The pillar and ground of the truth]. Moscow. Vol. 1.
8. Korikov D.G. (2011) Gosudarstvo, tserkov' i sektantstvo v Rossii vo vtoroi polovine XIX - nachale XX vv. Doct. Dis. [State, Church and sectarianism in Russia in second half XIX – early XX centuries. Doct. Dis.] Chelyabinsk.
9. (1893) Lyuteranskii sekty v Estlyandskoi gubernii [The Lutheran sects in the province of Estonia]. Revel.
10. Luther G. (2000) Herdaminne för Ingermanland. II, Svenska Litteratursällskapet i Finland. Helsingfors.
11. Mel'nikov P.I. (1909) Tainye sekty [Secret sects]. In: *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete collected works]. St. Petersburg. Vol. 6.
12. Olenich T.S (2005) Transformatsiya russkogo religioznogo sektantstva. Doct. Dis. [The transformation of Russian religious sectarianism. Thesis for the degree of doctor of science. Doct. Dis.] Rostov-on-Don.
13. Panchenko A.A. (2002) Khristovshhina i skopchestvo: fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt [Khlystyism end eunuchs. Folklore and traditional culture of Russian mystical sects]. Moscow.
14. (1851) Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi Imperii, izdavaemoe po Vysochaisheму poveleniyu pri 1-m otdelenii Departamenta General'nogo Shtaba [Military Statistical Review of the Russian Empire, published by Emperor order at the 1st desk of the Department of Joint Staff]. St. Petersburg. Vol. 3. Part 1.